

НАШ ДОЛГ БЫТЬ ВСЕГДА ВПЕРЕДИ

27 июня 1917 года на большом собрании солдат 479-го пехотного полка была принята резолюция, в которой говорилось: «Мы требуем немедленной передачи центральной власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов...», «Мы будем драться как львы... за истинное дело социализма». Резолюция эта за моей подписью была напечатана в газете «Правда» № 97 от 2 июля 1917 г.

После этого собрания нас, 9 человек солдат, вызвали в штаб армии и там арестовали, посадив в Двинскую военную тюрьму. К 4 июля 1917 года в тюрьме уже сидело около 900 человек солдат разных полков двинского участка фронта. Это были председатели ротных, батальонных, полковых комитетов, и все они были арестованы за революционную большевистскую деятельность на фронте в связи с июньским наступлением. Мы узнали, что всего в Двинской крепости содержится арестованных солдат до 20 тысяч человек.

Мрачные тюремные стены казематов содрогались от дружного солдатского пения; «Смело, товарищи, в ногу!», «Вихри враждебные», «Интернационал» и другие революционные песни раздавались в тюрьме.

Мы требовали своего освобождения. Но штаб решил отправить арестованных в глубь России. Мы получили донесение нашего товарища Фролова, что после ареста Федотова и Летунова в 479-м пехотном полку возникло волнение. 400 человек солдат собрались к штабу полка и требовали нашего освобождения.

Как теперь стало известно по архивным материалам, военным судом заочно я и еще несколько человек были приговорены по ст. 110 и 112 к расстрелу, а некоторые — к каторжным работам.

Через два дня нас, 869 человек, под усиленным конвоем «батальонов смерти» и под угрозой пулеметов посадили в товарные вагоны и направили к Витебску. По приезде в Витебск наши вагоны открыли. Мы сейчас же устроили митинги, направились к Совету, где потребовали, чтобы нас отправили в Москву. Тут же мы собрали наш тюремный комитет, председателем которого был я, и, обсудив положение, мы обратились к Витебскому Совету рабочих и солдатских депутатов и к станционному начальнику и потребовали отправить нас в Москву. И нас целым эшелоном направили в Москву.

Москва! Москва! Как отрадно бьется сердце от мысли, что едем к родным братьям, революционным пролетариям. По прибытии в Москву сговорились в тюрьму не садиться и требовать делегатов от рабочих.

Но нас всех встретили вооруженная рота 55-го полка и комендант Бутырской тюрьмы. Окруженные новым усиленным конвоем, мы требуем кого-нибудь из большевиков. Пришел человек в рабочем костюме и сказал, что он член тюремной комиссии Совета, показал мандат и стал уговаривать нас временно, до разбора дела, сесть в тюрьму. Пошумели, а потом решили, — все равно завтра выпустят, а пока на ночь сядем в тюрьму.

Все 869 человек с песней «Смело, товарищи, в ногу» входим в ворота Бутырской тюрьмы, которую я знал по предыдущему заключению в 1913 году.

Ждем день, другой — не выпускают. С одним товарищем я передал записку в Московский комитет партии большевиков, рассказал, что арестованы 869 человек солдат-большевиков. На девятый день мы решили объявить общую голодовку.

На следующий день к нам попал номер газеты «Социал-демократ», орган МК большевиков, где было напечатано: «Жертвы Керенского солдаты-«двинцы» объявили голодовку, выставив лозунг «Свобода или смерть!».

Наша голодовка продолжалась шесть суток. За это время был послан ряд наших протестов и заявлений о нашем немедленном освобождении в Московский Совет рабочих депутатов и в МК большевиков.

В сообщениях газеты «Социал-демократ» говорилось о собрании Военной организации МК РСДРП (большевиков), что в Бутырской тюрьме уже несколько дней голодают солдаты-большевики, так как им не предъявлено никаких обвинений. Решено в частях войск поднять широкую агитацию и посылать делегации в Совет с требованием немедленного освобождения голодающих товарищей и других арестованных членов нашей партии.

Рабочие-трамвайщики Золоторожского трамвайного парка объявили забастовку с требованием немедленного освобождения «двинцев» из тюрьмы. Рабочие военно-артиллерийского завода также требовали немедленного освобождения голодающих «двинцев» из тюрьмы. К этому требованию присоединились рабочие многих районов Москвы. А к нам на свидание в тюрьму приходили товарищи-москвичи, приносили разную пищу, но мы отказывались.

В нашу камеру на четвертый день голодовки принесли хороший наваристый суп — пар идет, и мясом пахнет. Помощник коменданта тюрьмы соблазняет: «Надо вам покушать, солдатики, нельзя морить себя голодом, желудок, он не свой брат, пищи требует. Эх, а суп-то!» Летунов подошел и стал помешивать ложкой, иронически приговаривая: «Вот наварили, первый раз за время жизни Временного правительства. Сам Керенский приказал, что ли, а?» И почерпнув ложку, поднес ее ко рту помощника коменданта

тюрьмы, крикнул: «Кушайте, жрите на здоровье, ваше благородие», — потом с силой толкнул бак с пищей, все содержимое разлилось по полу. В нашей и соседней камере закричали «ура!». Помощник коменданта вышел обескураженный. «Черт с вами, — закричал он, — бандиты, дохните как мухи, в карцер всех запрем!»

Комиссия от Совета пришла к нам в тюрьму на шестой день голодовки и стала уговаривать прекратить голодовку. Но мы наотрез отказались и направили новое заявление в Московский Совет. И 17 сентября первая группа «двинцев» в составе 79 человек была выпущена из тюрьмы. 22 сентября были освобождены почти все «двинцы» и размещены на положении больных в двух госпиталях Москвы — в Савеловском около 450 человек и в Озерковском в Замоскворечье — около 400 человек.

Итак, мы, «двинцы», вступили в жизнь предоктябрьской революционной Москвы. Много было радости, когда мы увиделись с руководящими товарищами, работниками Военного бюро при Московском комитете большевиков, с незабываемым, умершим теперь, Емельяном Ярославским и Ольгой Афанасьевной Варенцовой.

Из «двинцев» было организовано 37 агитаторских групп, и во всех частях гарнизона и на заводах и фабриках Москвы стали выступать «двинцы». Всюду нам был оказан восторженный прием.

Мы громили в своих речах произвол Керенского и его сатрапов на фронте, рассказывали об арестах и революционных настроениях солдат, рассказывали, как расстреливали солдат только за то, что они большевики.

Одновременно во всех районах Москвы мы готовили кадры красногвардейцев для боевых операций за власть Советов, обучая их военному делу.

По перевыборам в Московский Совет от команды «двинцев» было избрано два депутата — я, Федотов Петр, и Козин. Нас широко знала революционная Москва. Вечером 25 октября 1917 года в здании Политехнического музея состоялся знаменитый пленум Московского Совета, на котором был избран Военно-революционный комитет. Воздух был насыщен борьбой, восстанием. Утром 26 октября я был вызван в Совет, и Усневич побеседовал со мной как представитель Военно-революционного комитета. Постановлением ревкома на меня была возложена организация разведки при Военно-революционном комитете. Мне поручалось немедленно привести в Московский Совет всех «двинцев».

Придя в Савеловский госпиталь, я сообщил последние сведения о захвате власти в Петрограде, об аресте членов Временного правительства и о том, что Московский Совет рабочих и солдатских депутатов решил драться за власть Советов.

— Мы хорошо знаем военное дело, и наш долг быть везде впереди, — сказал я. «Умрем за рабочее дело как один», — ответили «двинцы» на призыв ревкома.

К вечеру мы вооружились берданками, винтовками, но всем оружия недоставало. Пришли в здание Московского Совета, где и расположились в двух залах, выставив четыре пулемета из окон на Скобелевскую площадь. Ревком приказал вызвать и второй отряд «двинцев» из Озерковского госпиталя. Около 300 человек во главе с командиром отряда товарищем Сапуновым двинулись в Московский Совет для охраны Военно-революционного комитета.

Когда команда поднялась к храму Василия Блаженного, неподалеку от Лобного места, путь преградили юнкера-белогвардейцы. Их было около 50 человек. Взяв винтовки на изготовку, пошли прямо на «двинцев». Их офицер, идущий впереди, спросил: «Кто такие, куда идете?» «Двинцы», шедшие впереди, ответили, что идут для охраны Московского Совета. Юнкера якобы удовлетворились ответом, взяли «к ноге» и пропустили «двинцев». Наш отряд «двинцев» шел не замедляя шага, и когда «двинцы» подошли вплотную к Историческому музею, навстречу снова выступили юнкера, их было не менее 200 человек. Их командир полковник вышел вперед и резко крикнул: «Куда идете? Стой, ни с места!» Команда «двинцев» остановилась. Полковник заорал: «Мы сами охраняем весь центр, а также и Московский Совет... Сдавай оружие!» «Двинцы» оружия не сдали. Полковник выхватил револьвер и убил нашего командира Сапунова.

Цуцын занял место Сапунова и скомандовал «двинцам»: «пли!» Рассыпавшись в цепь, «двинцы» пошли в лобовую атаку и с боем прорвались к Московскому Совету.

Так пролилась первая кровь Октябрьского восстания в Москве. Весть о том, что много «двинцев» погибло в бою с белогвардейцами на Красной площади, послужила толчком, ускорившим развязывание Октябрьских победоносных боев московских рабочих и солдат за власть Советов.

Всю ночь к Московскому Совету подходили вооруженные отряды красногвардейцев и солдаты 85-го, 192-го и 55-го пехотных полков и артиллеристы с Ходынки.

Артиллерист товарищ Давыдовский выставил четыре орудия на площади у Московского Совета, и Совет превратился в настоящий вооруженный лагерь.

Мною, как начальником разведки, по указанию ревкома было дано задание выяснить, какие и где расположены силы юнкеров и белой гвардии. Полковник Рябцев стянул свою белую сволочь в Кремль и засел там.

«Двинцы» в эту ночь сыграли роль искусных разведчиков, действуя не столько силой, сколько хитростью. Лично я пробрался в белогвардейское Александровское военное училище, будучи одет в дамский костюм и в парике, и разведал, сколько у них штыков, оружия и боеприпасов. И когда я рассказывал Усиевичу, тот смеялся от всей души над этим эпизодом.

Наутро не было в Москве такого района, где бы не было «двинцев», они вдохнули боевую жизнь. Через них ревком имел пра-

вильную ориентировку в развертывании боевых действий и получал сведения о силах противника и состоянии наших сил — Красной гвардии.

Помимо «двинцев» — разведчиков и связистов, разосланных по районам, из команды «двинцев» была составлена ударная группа в 300 человек, которая дралась у Никитских ворот, забрасывала гранатами из Брюсовского переулка дом градоначальства. Штурмовала ворота Кремля специальная пулеметная группа, которая, действуя под командованием «двинца» Грачева, вела успешные бои. Первой крупной победой «двинцев» было взятие градоначальства, где было взято в плен около 200 человек белогвардейцев разных мастей, которые под конвоем были приведены к Моссовету. «Двинцы», оказывая помощь красногвардейцам, бдительно охраняли московские вокзалы.

Семь дней Москва была в огне боев. Семь ночей не спали мы, ибо ночью Усиевич и я проверяли наши посты и бдительность.

У Кудринской площади Усиевич спрашивает патрульного Бочкова: «Ну, как чувствуешь себя?» Бочков ответил: «Не буду дремать до победы революции, я ведь «двинец».

Но вот наступили решающие бои на подступах к Кремлю. Посылаем 100 человек самых боевых «двинцев». Ревком дал распоряжение Демидову, нашему командиру тяжелой артиллерии из Благуше-Лефортовского района, обстрелять ворота Кремля, что и было сделано. После этого революционные войска прорвались в Кремль, и полковник Рябцев со всеми его юнкерами был наголову разбит.

В Москве была установлена власть рабочих и крестьян, власть Советов.

Уцелевшие «двинцы» потом были направлены по другим городам и добивали белую гвардию.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. М., 1957, с. 381—386